

РАЗДЕЛ IV. РУССКАЯ КРИТИКА О ЛИРИКЕ И ЛИРИКАХ

ББК Ш5(2=Р) 6-4

УДК 821.161.1

В. В. Цуркан

*кандидат филологических наук, доцент
(Магнитогорск)*

Г. АДАМОВИЧ О ХУДОЖНИКАХ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

В статье дан анализ мемуарных очерков, посвященных Д.°Мережковскому, З.°Гиппиус, Вяч.°Иванову, Л.°Шестову, И.°Бунину. Автор рассматривает концепцию жизнетворчества, актуализированную в статьях Г.°Адамовича, исследует ключевые в художественном сознании критика категории одиночества и свободы.

Ключевые слова: серебряный век, одиночество, свобода, мемуары, прототип, очерк, миф

В ряду воспоминаний о серебряном веке, оставленных А. Белым и М.°Волошиным, В. Ходасевичем и Г.Ивановым, З. Гиппиус и И.°Одоевцевой, статьи Г. Адамовича занимают особое место. Г.°Адамович эмигрировал во Францию в начале 1920-х гг. Постоянный литературный обозреватель «Звена», «Последних новостей», «Современных записок», «Чисел», «Нового журнала», «Русской мысли», он постоянно обращался к темам поэзии, смысла искусства, судьбы художника. В 1955 году в Нью-Йорке вышел единственный прижизненный сборник мемуарной прозы Г. Адамовича «Одиночество и свобода».

Сопоставимые с очерками «Книг отражений» И. Анненского статьи «Одиночества и свободы» были отмечены стилем и вкусом, простотой и прозрачностью, которые отличали и поэтическое творчество Г. Адамовича. Несмотря на то, что мемуарно-автобиографический жанр требовал достоверности, документальности и во многом ограничивал субъективизм автора, Г. Адамович показал себя не только как аналитик явлений литературы, но и как

талантливый эссеист. Он сумел создать органично вписанные в эпоху образы поэтов и писателей серебряного века.

Выбор имен героев очерков в книге Г.Адамовича не случаен. Он внушен не только «стремлением к внутреннему единству и цельности» всей книги [I, 5], но и духовной близостью портретируемых художников к автору. Каждая статья состоит из деталей, подчеркивающих индивидуальность героев. Переходя от одной встречи с прототипом очерка к другой, критик делает акцент на самом значительном, ярком, запоминающемся. Так, в статье, посвященной З.°Гиппиус, «бабушке русского декадентства», «общероссийской литературной классной даме, в свободное от занятий время не чуждой черным мессам и прочей чертовщине» [I, 155], автор вспоминает о том, как в единственное свое посещение Ясной Поляны она «учила уму-разуму» Льва Толстого, а «в другой области земного величия» «погрозила пальцем покойному сербскому королю Александру»°[I,°157], признавшемся на приеме, что он начинает забывать русский язык. Внутренняя свобода героини очерка близка мироощущению критика, который волен думать и писать о том, что считает необходимым. Критерии одиночества и свободы, заявленные в названии книги, являются основополагающими в оценке личности и творчества И. Бунина, Б. Зайцева, В.°Набокова, И. Шмелева, А.°Ремизова, Д. Мережковского.

Очерк «Мережковский», открывающий серию мемуарных портретов, пронизывает центральный мотив книги: «Мережковский – писатель одинокий» [I, 48]. Определение «одинокий», по мнению Г.Адамовича, близко понятию «свободный». Заслугу своего героя критик видит в том, что он намеренно обособлен в творческом и человеческом плане, свободен от «обыденщины и обывательщины, в какой бы форме они ни проявлялись» [I, 62]. Акцентируя внимание на отстраненной от житейской суеты духовности Д. Мережковского, критик опирается на воспоминания «друга-врага» [I, 57] В. Розанова, на признания «многим обязанных» [I, 62] «мэтру» младосимволистов. Данные свидетельства помогают по-новому взглянуть на творчество писателя-философа, понять смысл «неясных» слов о нем А.Белого: «...многим из знавших Мережковского хотелось... поклониться ему и поблагодарить... за пример органически музыкального восприятия литературы и жизни. ... За внимание к тому, что одно только и достойно внимания, за интерес к тому, чем только и стоит интересоваться. За рассеянность к пустякам, за постепенное, неизменное увядание в обществе, которое пустяками бывало занято. За

грусть, наконец, которая “чище и прекраснее веселья” и все собой облагораживает» [1, 62].

Идеи выстраданной духовной силы и нравственной стойкости – ключевые в художественном сознании Г. Адамовича. Поэтому он не может не напомнить читателю о том, что искусство серебряного века подчас несло в себе «небезопасное самообольщение личности – ее гипертрофированную самооценку, пафос исключительности» [2, 240]. Статью о Д. Мережковском критик начинает от противного – с характеристики общепризнанного лидера символизма В. Брюсова: «Брюсов был понятнее и заносчивее других, и, в сущности, ограничивался культуртрегерством.... сознание его было бедно, а в кое в чем и порочно, несмотря на пышные слова» [1, 43]. Г. Адамович не признает особые права исключительной личности (ничем не ограниченное своеволие, необузданность страстей) и – прежде всего – в собственной жизни. Как пронизательно отмечает в примечаниях к сборнику О. Коростелев, нередко у читателя возникает впечатление, что статьи «Одиночества и свободы» «написаны для немногих..., написаны только для самого себя – разговор наедине с собой. Разговор, который можно вести только в одиночестве, освещающий самую скрытую суть поэзии – и Адамовича» [1, 353].

Символистская концепция житнетворчества [3, 3] актуализирована и в эссе «Вячеслав Иванов и Лев Шестов». Г.°Адамович вряд ли имел возможность близко знать Вяч. Иванова, так как тот уехал из Петербурга, когда автору очерка не исполнилось и двадцати лет. В эмиграции у Г. Адамовича сложились непростые отношения с легендарным поэтом, особенно когда тот встал на сторону Вл. Ходасевича в защите вопросов «мастерства». Возможно, поэтому трактовка образа Вяч. Иванова у Г.Адамовича столь неоднозначна.

Вяч. Иванов наделен критиком универсальными чертами, уподоблен некоему космическому творению: «Высокий, чуть-чуть сутуловатый, весь золотистый и розовый, в ореоле легких, будто светящихся золотых волос, в длинном старомодном сюртуке, он <...> говорил, растягивая слова, улыбаясь неожиданно мелькнувшей новой мысли, останавливаясь <...> С повисшей в воздухе рукой, и никому в голову не приходило, чтобы можно было его перебить или его не дослушать: среди обыкновенных людей стоял какой-то Орфей, всех покорявший» [1, 242]. Ткань мифа вынесена на поверхность воспоминания, причем главным мифотворцем, по мнению автора, является сам портретируемый герой: «...он не увлекал, а скорее очаровывал, как вкрадчивый, мудрый, тихий волшебник, знающий, что тем, кто раз попал под его влияние, от него не уйти <...> даже самые

ревностные сторонники Брюсова и Гумилева чувствовали, что в сравнении с Вячеславом Ивановым и тот, и другой – сущие дети» [I, °244–245]. В отличие от В. Брюсова и Н. Гумилева, Г. Адамович далек от апологии современника. Воздавая должное мастерству Вяч. Иванова, он, вместе с тем, указывает на конфликт между лирикой и «умственными витаниями» [I, 249] поэта, искренне сожалеет, что творения Вяч. Иванова так и «не стали поэзией великой» [I, 249].

«Густому» вячеславо-ивановскому «меду» [I, 249] в статье противопоставлена «горечь» [I, 249] разлада и трагического осознания безысходности жизни в прозе Л. Шестова. Г.Адамовичу всегда был близок стиль философствования автора известных работ о Л. Толстом и Ф.°Достоевском. Заслугой Л. Шестова, по мнению создателя «Одиночества и свободы», является то, что именно он поведал миру о «ночных мыслях» великих русских писателей [I, 257]. В уникальной личности Л. Шестова, в его статьях, «подстерегающих» классиков на «окольных тропинках» [I, 258] литературы, Г.°Адамович неожиданно нашел могучего союзника для самых мучительных своих догадок.

Жизнь и смерть, конец и начало бытия сходятся в мемуарном очерке «Бунин». Эссе о И. Бунине – это неканонический некролог, своеобразный итог отношений двух писателей-эмигрантов. Г.°Адамович считал И.Бунина самым значительным художником серебряного века, посвятил ему около трех десятков статей и рецензий. Для создания мемуарного очерка «Бунин» критик использовал фрагменты статей, написанных с 1933 по 1953 год. В основу биографического мифа И. Бунина положена оппозиция свет/тьма. Своеобразные тематические центры, необходимые для характеристики писателя, создаются с помощью «световых» образов-метафор: «ни на минуту не меркнувший блеск», «солнце», «вдохновение, светящееся солнцем» [I, 77]. В своем герое Г.°Адамович утверждает идеал человека и художника, который при всей своей индивидуальной неповторимости отказался от претензий на исключительность, нашел смысл жизни в приобщении к общечеловеческому. Созданию идеального образа И. Бунина помогает также обращение к «великому русскому девятнадцатому веку» [I, 81]. Место И. Бунина в этом ряду, по мнению критика, определяется умением называть каждое явление «окончательным, впервые окончательно найденным, незаменимым именем», «соответствием каждого слова предмету» [I, 90].

Проникая в субъективное «я» творца, Г. Адамович использует оригинальные приемы. Представление И. Бунина дается не только напрямую автором, но и через реплики и рассказы о нем других персонажей, через яркие параллели и сопоставления, отражающие

В.В. Цуркан

многогранность личности портретируемого. Нередко в рассказ о великом современнике входят замечания автора о самом себе. Отточенные афористические фразы, философские отступления помогают прочувствовать талант и ум Г. Адамовича, замечательного критика, для которого важна не формальная точность выражений, а живое слово о современниках и о насыщенной яркими экспериментами и духовно-религиозными исканиями эпохе.

Литература

1. Адамович, Г.В. Одиночество и свобода / Сост., послесл., примеч. О.А.°Коростелева. / Г.В. Адамович . – СПб.: Алетейя, 2002. – 476 с.
2. Коржавин, Н.М. Анна Ахматова и «серебряный век» / Н. М. Коржавин // Новый мир. 1989.№7 – С.239-242.
3. Цуркан, В.В. Брюсовская концепция творчества Пушкина: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / В.В.°Цуркан. – М., 1995. – 16 с.

G. ADAMOVICH ABOUT THE ARTISTS OF THE SILVER AGE

V. V. Tsurkan

Abstract

The article gives the memoirs sketches review, dedicated to D.°Merezhkovsky, Z. Gippius, V. Ivanov. L. Shestov, I. Bunin. Author considers “creative life” concept, being kept up-to-date in the G.°Adamovitch's articles, studies key in the artistical feeling of the critique in the category of loneliness and freedom.

Key words: silver age, loneliness, freedom, a memoir, a prototype, a sketch, a myth